

№№
10.11.

НЮМЪ

№

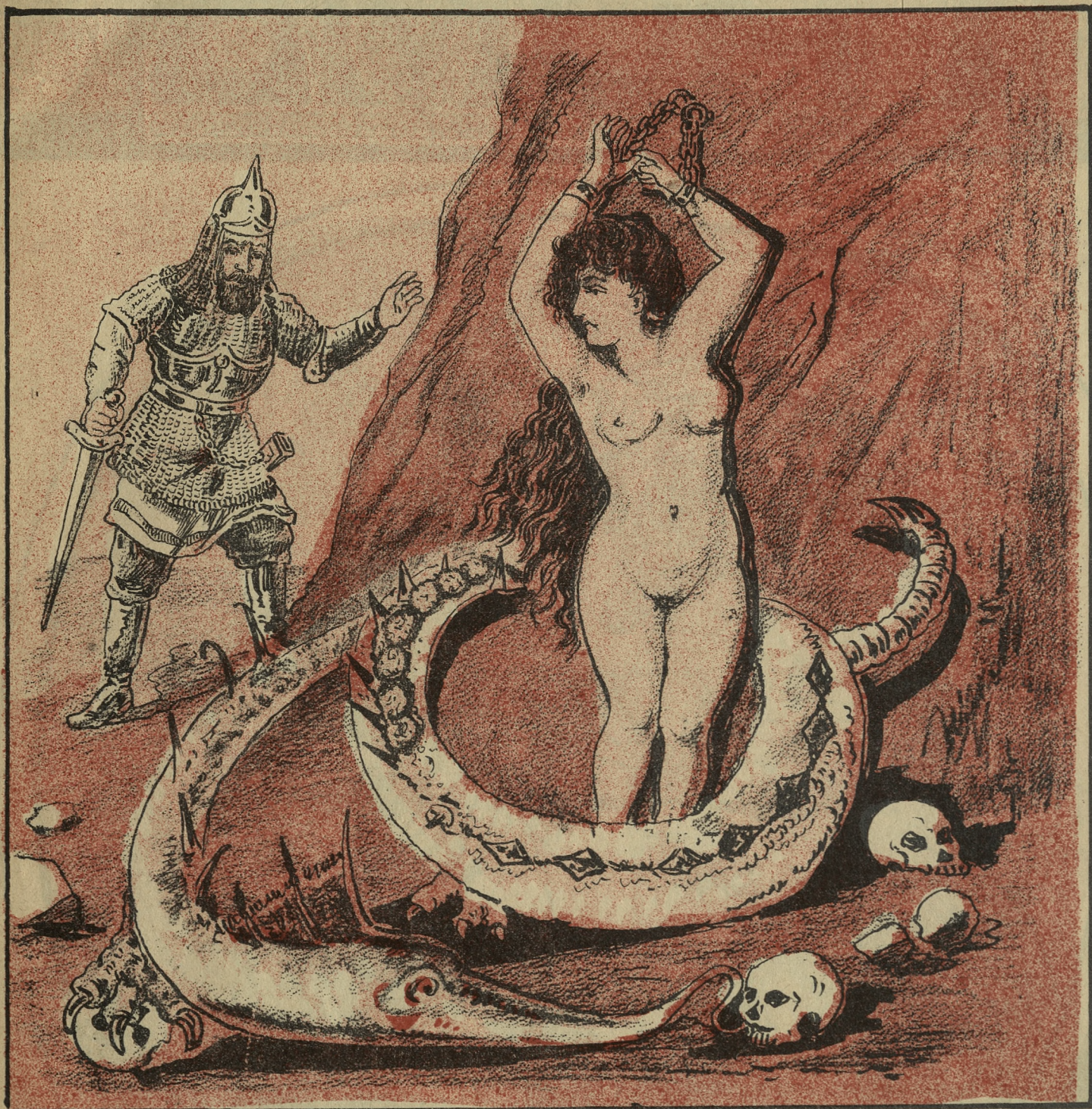
ЦѢНА

20 К.

Пасхальное яичко съ сюрпризомъ.

Предназначено въ подарокъ правительству.

ВМѢСТО ПЕРЕДОВОЙ.

Если всѣ журналы и газеты послѣ Пасхи не сдѣлаются юмористическими, комическими и сатирическими, то мы будемъ страшно удивлены. Даже болѣе того! Мы будемъ поражены. Въ самомъ дѣлѣ, мы хотимъ знать, можетъ ли такъ называемый „серьезный“ органъ прессы существовать въ такое хаотическое время, какъ наше, и при такихъ оригинальныхъ условіяхъ. Газеты вырастаютъ, какъ грибы. Но ихъ и уничтожаютъ такъ же усердно, даже не всегда поджаривая въ сметанѣ. Быть редакторомъ стало почти геройствомъ, хотя,—увы! кратковременнымъ... Быть „серьезнымъ“ сотрудникомъ теперь мученіе. Какое же перо и чей глубокий умъ рѣшатся разобраться въ томъ громадномъ вихрѣ, который проносится надъ родиной. И только одна „Русская Старина“ съ удовольствіемъ смакуетъ моментъ, предчувствуя, что черезъ 10—15 лѣтъ наступитъ возможность печатать удивительно интересныя воспоминанія. Теперь можно только или ужасаться, или сохранять сатирическій видъ. Вотъ почему мы увѣрены, что не сегодня-завтра начнется „звѣздопадъ“ сатирическихъ журналовъ. „Сурьезнымъ“ редакторамъ придется только разводять руками, а читателю предстоитъ волей-неволей хвататься за сатирическій листокъ, потому что въ немъ онъ встрѣтитъ живой и искренній откликъ на событія времени.

Чтобы быть „убѣжденнымъ“ журналистомъ, надо, подобно губкѣ, пропитаться программой какой-нибудь партіи. Но жизнь еще не раздѣлила людей партійными перегородками. Читатель чувствуетъ, что сатира свободно шагаетъ черезъ эти перегородки... И поэтому, сатирическіе журналы пока являются господами положеніями.

Христосъ Воскресъ!

Вотъ Онъ почилъ... И съ Нимъ почили
 Свобода, правда и любовь;
 Съ Нимъ ко кресту ихъ пригвоздили,
 Омыла ихъ святая кровь.
 И свѣтъ погасъ. Одно страданье
 Въ душѣ осталось у людей...
 Всѣ были въ робкомъ ожиданьи,
 Всѣ ждали трехъ условныхъ
 дней.
 Они прошли... Воскресло слово,
 Облеклись снова въ плоть и
 кровь,
 Съ нимъ для людей воскресли снова
 Свобода, братство и любовь.

П. Эльгрико.

103, 106, 129., 1535.

Мы привлекаемся по этимъ статьямъ.

До визита къ судебному слѣдователю мы чувствовали право на титулъ „Полунарымскіе“. Вполнѣ „нарымскими“ мы не могли быть, такъ какъ на это не дали бы разрѣшенія „инородцы“, а именоваться болѣе громко, напр. „графъ Полусахалинскій“, никто изъ насъ не рѣшался, ибо этотъ титулъ по ст. 6 Портсмутскаго договора принадлежитъ только С. Ю. Витте.

Но мы утѣшали себя тѣмъ, что залога въ 10,000 руб. ни одинъ изъ насъ не найдетъ, и мы станемъ, „баронами одиночки“ Признаемся чисто-сердечно, новое званіе намъ не улыбалось. Намъ указали до десяти лицъ,

которыя могли бы избавить насъ отъ этого „особеннаго“ права. Мы отправились.

Въ первой квартирѣ насъ приняли радушно, возмущались нашимъ „интереснымъ положеніемъ“, очень жалѣли, но денегъ не дали.

Во второй квартирѣ мы увидѣли пустыя комнаты и чемоданы на полу. Мы рассказали о нашей бѣдѣ.

— Готовъ помочь, но мои деньги всѣ уже за границей. У меня только на проѣздъ. Завтра въ Россіи начнется революція, и я спѣшу,—заявилъ намъ патріотъ.

На третьей квартирѣ швейцаръ намъ заявилъ:

— За границей, уѣхавши!

На четвертой мы встрѣтили добродѣтельнаго патріота въ тотъ моментъ, когда онъ садился на извозчика. Въ отвѣтъ на нашу просьбу, онъ съ очаровательно-грустной улыбкой показалъ намъ заграничный паспортъ и тономъ величайшаго гнѣва заявилъ:

— Да что они тамъ думаютъ? Гдѣ же теперь 10,000 достать! Это возмутительно!

И затѣмъ крикнулъ извозчику:

— На вокзалъ!

Въ пятой квартирѣ намъ заявили:

— Знаете ли, что? Если вы мнѣ достанете десять тысячъ чистыми деньгами, я не только въ тюрьму сяду, но добровольно обрекаю себя на долгосрочную каторгу.

На шестой намъ предложили 9.000 руб., но за это потребовали 1.000 руб. процентовъ.

За одинъ то мѣсяцъ?!—воскликнули мы.

— Время такое! Не вы, такъ другіе возьмутъ.

Послѣ торга согласились покончить на 500 руб.

Дальше мы не искали.

Знаменитый диккенсовскій попугай въ тотъ моментъ, когда кошка вытаскивала его изъ клѣтки, произнесъ:

— Ъхать, такъ ѣхать!

Мы рѣшили:

— Сидѣть, такъ сидѣть!

Но судебная палата, чувствуя, что тюрьму нельзя забивать одними литераторами, избавила насъ отъ залога. Намъ разрѣшили найти поручителя.

Черезъ полчаса, Иксъ внесъ за насъ поручительство въ 75.000 руб., вмѣсто 20.000 руб.

— Да вы насъ не знаете! Возьмите хоть векселя!—убѣждали мы поручителя.

— Ну, вотъ еще. Всѣ отъ одного страдаемъ,—возразилъ Иксъ.

Мы вздохнули свободно. Конечно, до суда!

А тамъ... „мы еще повоюемъ“, какъ говорилъ тургеневскій воробей.

Ступай, мой „Гномъ“, работа есть!
Иди въ хоромы и палаты,
Гдѣ засѣдаютъ бюрократы
И продаютъ отчизны честь.

Ступай, насильниковъ дразни!
Подъ видомъ шутки или сказки
Срывай безжалостно съ нихъ маски
И смѣхомъ ѣдимъ ихъ казни!

Подъ звонъ колоколовъ

(Психологическій эскизъ).

Было очень темно. Казалось, весь мракъ, наполняющій темныя человѣческія души, вырвался изъ нихъ и разлился по землѣ, окутавъ ее чернымъ, зловѣщимъ покровомъ.

Закрытое сплошными тучами небо въ эту ночь отказало землѣ даже въ блѣдномъ сіяніи звѣздъ. Оно какъ-будто гнѣвалось на нее за что-то, чего-то не могло ей простить.

Казалось, этотъ безмолвный укоръ неба сознавался и чувствовался большимъ грязнымъ городомъ, безпорядочно раскинувшимся по обѣимъ сторонамъ широкой, тускло свѣтившейся во мракѣ рѣки: въ тупомъ молчаніи его чудилось что-то угрюмое и подавленное, похожее на запоздалый упрекъ слишкомъ поздно проснувшейся совести...

Только въ центрѣ города кой-гдѣ свѣтились фонари, да ярко горѣли огни церквей; окраины же утопали во мракѣ. Изъ этого мрака—къ свѣту церковныхъ огней двигались человѣческія фигуры, похожія на тѣни, или на привидѣнія; тянулись экипажи.

Наряду съ другими пѣшеходами направлялся къ церкви шестнадцатилѣтній гимназистъ, Володя Калининъ. Такъ какъ онъ жилъ на самомъ краю города, то ему пришлось порядочно пошататься по грязи, среди абсолютной тьмы, пока онъ не добрался до центра города.

Когда онъ подходилъ къ собору, на колокольный послѣдній ударилъ въ колоколъ... еще и еще... На другихъ церквяхъ подхватили этотъ звонъ, и мѣдные голоса колоколовъ слились въ одинъ оглушительный гулъ.

Володю передернуло всею. Этотъ звонъ наполнялъ ему другой, мрачный, зловѣщій октябрьскій звонъ во время крестнаго хода съ образомъ Спасителя.

Ужасныя картины мгновенно вспыхнули въ памяти, мысли вихремъ закружились въ головѣ. Вспомнился Яковъ,—любимый товарищъ и другъ, милый, кроткій, незлобивый Яковъ, звѣрски растерзанный чернью на соборной площади, почти у самаго, у самаго алтаря храма!

За что убили его? за что убили въ этотъ день, изранили, искалѣчили еще нѣсколько десятковъ такихъ же, ни въ чемъ неповинныхъ людей, виновныхъ только въ томъ, что они родились евреями? Какое зло причинили они этимъ безпощаднымъ жестокимъ людямъ, называющихъ себя христианами? Зачѣмъ понадобилось имъ въ свое темное, кровавое дѣло втиснуть Христа, запрещавшаго убивать ближняго даже словомъ, не только оружіемъ, учившаго любить ближняго, какъ самого себя; видѣть въ немъ брата, хотя бы онъ принадлежалъ къ другой національности, исповѣдывалъ другую религію! Зачѣмъ своей коницунегвенной рукой они вынесли изъ храма Его образъ и сдѣлали его свидѣтелемъ отвратительной бойни, противорѣчащей всѣмъ Его заповѣтамъ и являющейся насмѣшкой надъ нимъ. Зачѣмъ, наконецъ, заставили они, эти святыя, невинныя колокола звать на представленіе темный, невѣжественный народъ, который они должны были сзывать только на молитву?

Зачѣмъ? зачѣмъ?...

Зачѣмъ Володя не удержалъ Якова у себя? зачѣмъ пошелъ съ нимъ на площадь? Зачѣмъ не отговорилъ его идти на защиту его избиваемыхъ братьевъ? Вѣдь, все равно, онъ никого не защитилъ, а только самъ погибъ однимъ изъ первыхъ!... Бѣдный Яковъ!

Сколько обидъ и униженій пришлось ему вынести за всю его недолгую жизнь, закончившуюся такъ ужасно!

Сколько оскорбленій вынесъ онъ только въ одной гимназіи!.. Однажды онъ едва не покончилъ съ собой.

Между тѣмъ, онъ не былъ озлобленъ на людей. Напротивъ, онъ такъ мягко и любовно относился ко всѣмъ, какъ будто самъ получалъ отъ нихъ только одно хорошее.

Не была-ли это «мсть» съ его стороны, о которой съ такимъ чувствомъ рассказываетъ Немировичъ-Данченко? Докторъ—еврей, во время русско-японской войны до самозабвенія отдавшійся уходу за ранеными офицерами и солдатами, свое самоотверженіе называетъ мстью русскимъ за еврейскіе погромы!.. Да, много нужно было пережить, чтобы въ семнадцать лѣтъ имѣть такой грустный взглядъ, такія скорбныя складки около губъ.

Какъ хороши были эти каріе глаза, такъ не походившіе ни на чьи другіе! Это были настоящіе египетскіе глаза съ ихъ своеобразнымъ продолговатымъ разрѣзомъ. Да и все лицо, начиная съ покатаго лба, прямого носа и кончая мягко закругленнымъ подбородкомъ, было часто египетскаго типа, особенно въ профиль. Только матово-блѣдный цвѣтъ, его рѣзко отмѣненный черными, какъ смоль, курчавыми волосами, былъ не египетскій.

Какъ знать? быть можетъ, отдаленные предки Якова, до выхода изъ Египта, породнились съ египтянами, и это родство отразилось на Яковѣ.

Природа щедро надѣлила его всѣми лучшими своими дарами: здоровьемъ, силой, красотой, прекраснымъ, звучнымъ голосомъ; и, въ довершеніе этихъ физическихъ благъ, дала ему нѣжную, «поэтическую» душу, глубокой умъ и недюжинный музыкальный талантъ. Неужели же все это было дано только за тѣмъ, чтобы дубина хулигана размозжила эту прекрасную голову и звѣрски прервала эту юную, много общавшую жизнь въ самомъ началѣ ея расцвѣта!..

Вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ Яковъ лежалъ распростертый на землѣ, съ блѣднымъ, окровавленнымъ лицомъ, подернутымъ синевой смерти; съ пробитой головою, откуда вываливался мозгъ! На этомъ камнѣ долго темнѣла его мученическая кровь, пока, подъ жалобный плачъ вѣтра, осенніе дожди не смыли ее своими холодными слезами!..

Поглощенной этими воспоминаніями, Володя не замѣтилъ, какъ изъ отворенныхъ дверей храма хлынулъ живой человѣческій потокъ съ колышущимися надъ нимъ хоругвями, съ мелькающими зажженными свѣчами. Сквозь чудившуюся ему похоронную пѣснь вѣтра, оплакивавшаго Якова, онъ не слышалъ пѣнія вышедшихъ изъ храма. Онъ замѣтилъ процессію только тогда, когда она обогнула церковную ограду и стала надвигаться на него, какъ бы угрожая смять, раздавить, уничтожить его...

Опять эти хоругви, это пѣніе, этотъ колокольный звонъ! Впереди идутъ тѣ же люди, которые тогда вели толпу на звѣрства и убійства!..

Володя почувствовалъ, что онъ не въ силахъ видѣть этихъ людей, молиться вмѣстѣ съ ними, войти съ ними въ храмъ.

Тоской и ужасомъ наполнилась его душа, и онъ ринулся бѣжать. Звонъ колоколовъ преслѣдовалъ его, какъ чей-то злой, насмѣшливый хохотъ.

Куда бѣжать отъ него? куда скрыться отъ этого ужаса всколыхнувшихся въ душѣ воспоминаній?

О, если-бы можно было птицей перелетѣть за черту города, за ограду еврейскаго кладбища одиноко пріютившагося въ лѣсу; припасть тамъ головой къ дорогой могилѣ и выплакать на ней всѣ муки наблѣвшаго сердца!

Елизавета Гадмеръ.

№ 9 «Гнома» былъ конфискованъ сердобольной администраціей, почему и не могъ быть разосланъ нашимъ подписчикамъ, о чемъ редакція съ душевнымъ прискорбіемъ и доводитъ до свѣдѣнія читателей.

* * *

— Сакердонъ Осиповичъ, куда это вы торопитесь?

— Въ судъ, голубка моя, въ судъ—съ жалобой...

— На кого?..

— На сосѣда... Помилуйте, устроилъ коновязь у своего дома; ежедневно цѣлые табуны лошадей и притомъ... **голыхъ**. А у меня тутъ дѣтишки гуляютъ... Въдь это противно всякимъ правиламъ нравственности.

— И, думаете, судья уважитъ?

— Думаю. Во всякомъ случаѣ мой вопросъ серьезнѣе, чѣмъ разбиравшееся на дняхъ дѣло одной „сановной“ особы, въ которомъ „особа“ плакалась на свою горькую участь изъ—за невозможности подѣхатъ къ крыльцу на парѣ лошадей.

Тюменскія искорки.

1. Слышали, Вахлакова-то на 5 лѣтъ въ арестанскія роты, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія!

2. Счастливецъ! Истинно, что въ рубашкѣ родился, житье-то лучше губернаторскаго будетъ!

1. Это въ арестанскихъ-то?!

2. Что-жъ, что въ арестанскихъ! 68 тысячъ казенныхъ цапнулъ, пять-то лѣтъ за 68 тысячъ можно сидѣть, въдь это на 1300 руб. въ годъ приходится! Подумать только,—министерское жалованье, не то, что штабсомъ-то на 75 рублѣхъ сидѣть! Счастливецъ!

Первоапрѣльская телеграмма.

С.-П-бургъ. Сегодня благополучно разрѣшился отъ бремени премьеръ министръ двойнями. Новорожденный мужескаго пола былъ нареченъ: „Новый режимъ“, мертворожденное дитя женскаго пола была нарѣчена „Конституція“.

При совершеніи обряда присутствовала вся дворня. Обрядъ совершалъ протоіерей Иванъ Залихватскій.

Кишиневъ. „Союзомъ русскихъ громилъ и палачей“ отправлена привѣтственная телеграмма Пуришкевичу, въ которой они поздравляютъ его „съ первыми выводами“.

Августъ Брутъ.

ЗАДАЧА.

Условіе. Агентъ Пермской жел. дороги г. Крыловъ ревизуетъ поѣзда. Встрѣчаются безбилетные пассажиры. Онъ представляетъ ихъ къ дополнительному сбору. Если они не могутъ заплатить, то Крыловъ „въ залогъ“ беретъ у нихъ пальто.

Вопросъ. Спрашивается: Какъ будетъ г. Крыловъ поступать лѣтомъ? Оставлять ли пассажировъ въ „адамовомъ костюмѣ“, „au naturel“—или привязывать на цѣпь?

В. В.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Камышловъ. Мѣстные Титы Титычи успѣваютъ наеверстывать время уприказчиковъ, пока еще на этотъ счетъ нѣтъ закона; приказчиковъ гнутъ вовсю; Страховъ думаетъ открыть подписку среди хозяевъ, пока пролетаріи не соединились, что бы елико возможно сбавить жалованіе всѣмъ, не исключая и довѣренныхъ.

Петербургъ. Страшное явленіе. Установленъ фактъ, что Государственный Совѣтъ вольно и невольно вымираетъ. Это явленіе отмѣтило даже С.-Петербургское телеграфное агенство.

НЕ ПОЙМУ!

Мозгъ мнѣ, что-ли, измѣняется,

Или зрѣнье,—не пойму:

Чуждо многое бываетъ

Пониманью моему.

Здѣсь парламентъ засѣдаетъ,

Рядомъ—ставятъ эшафотъ—

На насилье—поощряютъ,

Врагъ насилья кары ждетъ.

О-бокъ университеты

Автономные стоятъ...

А въ дверяхъ...! солдатъ пикеты,

Въ залахъ—стражниковъ нарядъ...

Зло хотятъ карать условно...

Тутъ же членовъ Думы бьютъ...

А чтобъ было все законно—

Ихъ спѣшатъ отдать подъ судъ.

Здѣсь сулятъ законовъ уйму,,

Чтобъ бѣднякъ воспрянуть могъ...

Рядомъ валится на Думу

Милліонный потолокъ...

Поддержать давали слово

Думу въ селахъ, городахъ...

Обѣщаніе—не ново,—

Только... дѣло не въ словахъ.

Всѣ кричали депутатамъ:

„Со щитомъ иль на щитѣ!“

А разѣхались по хатамъ—

Спимъ спокойнымъ, сладкимъ сномъ.

Властелинъ-премьеръ такъ важно

Пѣтухомъ кричитъ въ дворцѣ...

А межъ тѣмъ... лишь рубль бумажный

Въ государственномъ ларцѣ.

Голодающій едвали

Жизнь дотянетъ до весны...

Рядомъ Гурки и Лидвали

Продовольствіемъ полны.

Б.

ДУМКА.

Ночь спустилась надъ столицей,
 Было душно, смолкнулъ шумъ;
 Истомленный вереницей
 Неотвязныхъ, тяжкихъ думъ
 Я забылся, и кошмара
 Камнемъ мнѣ давило грудь.
 Видѣлъ: заревомя пожара
 Освѣщенъ былъ скорбный путь.
 Видѣлъ полныя темницы,
 Слышалъ лязгъ и звонъ цѣпей;
 Кровь потоками струилась
 Подъ руками палачей.
 Нѣтъ простора, нѣтъ свободы,
 Деспотизма страшный гнетъ
 Увеличивалъ невзгоды,
 Но безмолствовалъ народъ.
 Силы не было для стоновъ,
 И для мукъ не стало слезъ,
 И исчезъ о лучшей долѣ
 Рой волшебныхъ, свѣтлыхъ грезъ...
 Но повѣялъ вдругъ прохладой
 Предразсвѣтный вѣтерокъ
 И зарею вспыхнулъ новой
 Заалѣвшійся востокъ.
 Ожилась, окрылилась
 Благодатная страна
 И народной только волей
 Управлялася она.
 Позабывъ былыя муки,
 Годы рабства и невзгодъ,
 Къ просвѣщенью и свободѣ
 Гордо шествовалъ народъ.
 Всѣ равны; одной идеѣ
 Служать, родину любя...
 Обновленная Россія,
 Я привѣтствую тебя!
 Ожилъ я. Но вдругъ раздался
 „Чей“-то слабый, тихій стонъ...
 Я проснулся. Боже правый,
 Это былъ лишь только сонъ!...

П. Эльгрико.

Тюменскія искорки.

— Были на общемъ собраніи вольнаго пожарнаго общества?
 — Былъ. До сихъ поръ шея болитъ.
 ?!
 — Все кланялся,—благодарилъ бывшаго председателя Василія Гавриловича Молодыхъ за его поразительный стоицизмъ.
 — Но, вѣдь, онъ четыре года не собиралъ общихъ собраній; истранижилъ всѣ денежки; дѣла плачевны; общество на краю гибели...
 — За это-то и благодарилъ! Василій Гавриловичъ сдѣлалъ все, чтобы обезсилить городъ въ противопожарномъ отношеніи, а это нашему брату—страхователю на руку...

Жупель.

Идея князя Горчакова

(изъ Вятки).

„Занятія на телеграфныхъ курсахъ стражниковъ, учрежденныхъ осенью при губернскомъ правленіи, идутъ успѣшно, практиканты безъ труда передаютъ сложныя депеши“ сообщаетъ губернаторскій офиціозъ.

Въ городѣ уже давно ходитъ упорный, но маловѣроятный слухъ, что „родственникъ родственника самого Столыпина“ намѣренъ организовать для стражниковъ цѣлый рядъ специальныхъ курсовъ, въ видѣ опыта по предложенію изъ Петербурга.

На случай забастовокъ.

Приготовлю преданныхъ паровозныхъ—машинистовъ—стражниковъ. Стражниковъ—телеграфистовъ уже имѣю.

Въ случаѣ нужды, поставлю за прилавки приказчиковъ съ шашками; при первомъ заявленіи—поставлю. Обучить стражниковъ торговлѣ весьма легко.

Учителей замѣню стражниками; фельдфебеля дамъ въ Вольтеры.

Умения стражники, если прикажу, акушерками съумѣютъ быть.

Свою гениальную мысль вятскій сатрапъ развиваетъ въ кругу близкихъ до замѣны поповъ стражниками.

За свою идею ждемъ отъ правительства великой благостыни.

Л. Камскій.

ГАЗЕТНЫЕ СЛУХИ.

Говорятъ, что начальникъ желѣзныхъ дорогъ Къ подчиненнымъ своимъ такъ отечески—строгъ, Что завелъ въ управленьяхъ для дѣтокъ Повсемѣстно систему отгѣтокъ.

Съ этихъ поръ неудачникъ изъ мелкихъ служаекъ, Возвращаясь со службы въ семейный очагъ, Долженъ будетъ предъ тѣмъ, какъ покушать, Гнѣвный спросъ благовѣрной прослушать:
 — Покажи-ка дневникъ. Это что? Ахъ подлець! Полюбуйтесь ка, дѣти, каковъ вашъ отецъ, Посмотрите—опять единица!
 Ахъ ты, старый лѣнтый и тупица!
 — Но, голубушка, я....—Ни пол-слова! Молчать! Вы способны лишь только меня огорчать!
 Я не дамъ вамъ къ обѣду ни крошки— Отберите отъ барина ложки!

Иль другая картина: домой муженекъ Все пятерки приносить кажинный денекъ, Все пятерки! И самъ, вѣдь, не знаетъ, Почему онъ все „пять“ получать!
 А супруга? Въ восторгѣ, конечно, она? Да,—его молодая красотка жена Даже вспомнить не можетъ безъ краски Про всю страстность начальничьей ласки!

Гуня.

Изъ Теофиля Готье

(изъ мотивовъ франко-прусской войны).

Врагами стали два народа,
Идетъ жестокая война;
Къ творцу небесъ подъ неба своды
Мольба несется не одна.
У алтаря своей капеллы,
Тамъ, гдѣ съ лампадой за одно
Играють дня косыя стрѣлы
Сквозь разноцвѣтное окно,
Припавъ къ распятію устами,
Рыдаетъ юная жена:
О, Боже, смилуйся надъ нами,
Пусть гибнетъ вражая страна.
Пусть врагъ потерпитъ поражение,
Его сдадутся города
И въ каждой битвѣ и сраженіи
Мы побѣдимъ врага всегда...
А тамъ вдали войны мятежной,
Въ одномъ пріютѣ для сиротъ,
Склонивъ головку, отрокъ нѣжный
Упрекъ жестокий небу шлетъ:
За что погибли всѣ родные?
Врагамъ, о Боже, отомсти;
Изпепели поля чужія,
Дѣтей враговъ осироти!...

П. Эльгрико.

Скоро Думѣ ужъ конецъ!...

(Изъ записокъ пессимиста).

Ахъ, какой скандалъ случился!
Старъ Таврическій дворецъ,
Потолокъ тамъ обвалился...
Скоро Думѣ ужъ конецъ!...
Даль наказъ весьма прекрасный
Ей Столыпинъ, какъ отецъ.
Только все это напрасно...
Скоро Думѣ ужъ конецъ!...
А другіе-то министры?
Еъ молодцу все молодецъ!
По словамъ ихъ—«они чисты»....
Скоро Думѣ ужъ конецъ!...
Во главѣ всѣхъ возсѣдаетъ
Головинъ, ка-де отецъ;
Правыхъ, лѣвыхъ умиряетъ...
Скоро Думѣ ужъ конецъ!...
А Алексинскій все злится...
Вотъ ужъ истинно храбрецъ,
Что нагаекъ не боится!...
Скоро Думѣ ужъ конецъ!...
Крушеванъ всѣхъ потѣшаетъ,
Но не трусить удалецъ—
Все погромами страшаетъ....
Скоро Думѣ ужъ конецъ!...
Тамъ-же «русскій» Пуришкевичъ;
Хулигановъ образецъ...
Будетъ тамъ и самъ Юскевичъ.....
Скоро Думѣ ужъ конецъ!...
Какъ задѣнуть графа рѣчью,
Титулованный глупецъ
Всѣмъ грозитъ тогда картечью...
Скоро Думѣ ужъ конецъ!...
Отчего-жъ не засѣдаетъ
Съ ними тамъ Петровъ—отецъ?
Впрочемъ—онъ не прогадаетъ!
Скоро Думѣ ужъ конецъ!

Штыкъ.

Крестьянскій Поземельный Банкъ. Приѣмная старшаго совѣтника. Дверь охраняется курьеромъ Подглядухинымъ. Вблизи красуется въ новой ливреѣ швейцаръ Дворянскаго земельного банка Хватовъ. Подглядухинъ осматриваетъ приѣмную, подымаетъ брошенный окурокъ, прячетъ его въ карманъ и застываетъ на посту. Между ними завязывается разговоръ.

— Вотъ оно, скажи пожалуйста, времена какіе наступили. Недосмотрѣлъ вѣчерась на приѣмѣ, вдругъ къ его превосходительству вломился си-волапый... Вовремя поймалъ его за шиворотъ и выперъ, а онъ обошелъ кругомъ, да опять туда же... Дай, думаю, приму его въ шею, а его превосходительство услышъ да и закричи: какъ, говоритъ, можно толкать безъ деликатности человѣка. Теперь времена новыя—конституція!.. А, може, говорить, въ приѣмной сама печать сидитъ, что тогда? Думалъ я думалъ, што этго за „печать“, такъ и не понялъ. Видно дама какая важная. Обошелъ всѣхъ, всѣ такъ себѣ, одна только графиня была, да и та старая, слѣпая, да почитай, что ничего и не слышитъ... Ты бы, говоритъ, отвелъ его, да тамъ и показалъ!.. Да, новы времена! Въ старъ такъ не было. Бывало самъ его превосходительство свои ручки къ намъ прикладывалъ.

— Эфто, точно такъ! Што и говорить; конституція да и только!.. Смотри ты, вонъ на Таврической што было седни народу. Важнымъ особамъ и министрамъ угу-гу кричатъ, свистятъ, а депутатовъ на рукахъ несутъ и ура кричатъ. Народищу во сто тысячъ не укладешь, а не единова тебѣ до смерти не убили. И солдатовъ много, и казаки съ жандармами на готовѣ, а стоятъ тебѣ рядомъ, да о Думѣ разговариваютъ. А тутъ находятся охалишки, да къ лошадинымъ хвостамъ красные платки, либо шары привязываютъ. И прямо въ глаза надъ ними смѣются. За всю эфту обиду одинъ офицеръ только пять человѣкъ по

мордѣ плетью отхлесталъ. И важно попало! Какъ, значить, пришпорить, да какъ налетитъ, а тѣмъ дѣться то некуда, завыли, двое подъ лошадь попали. А онъ какъ размахнется, да какъ дастъ, такъ какъ снопъ такъ и валится. Треть студентамъ, да курсисткамъ попало, потому они всему виной, они и Думу выдумали. Ну и бравый офицеръ!.. Левицкимъ прозывается—кавалеристъ... А и смиренъ у насъ все же народъ. Всѣ какъ будто опѣшили сначала, а потомъ какъ заорутъ: палачъ! Убийца!.. А никто пальцемъ не тронулъ!

— Ну конституція та и ги ги го не вся. А вотъ какъ всю сдѣлають, тогда, говорятъ, плохо будетъ для господъ-то! И банки наши похерятъ, какъ нашъ Поземельный, такъ вашъ Земельный!..

— „Какъ, што ты, Силантичъ, неужъ и нашъ Земельный?“

— „А чѣмъ вашъ Земельный святѣе нашего Поземельнаго?“

— „Какъ, чѣмъ? Да, вѣдь, онъ дворянскій, а вашъ крестьянскій“.

— „Глупая твоя голова, глупыя изъ нея и понятія происходятъ... Вотъ ты мнѣ скажи-ка, какая разница въ Земельномъ и Поземельномъ.“

— „И никакой тутъ разницы нѣтъ. У насъ господа и у васъ господа. У васъ дворяне и у насъ графы и князья свои пажитки закладываютъ“.

— „Мелко плаваешь—спину видно! Вотъ слушай, коли самого Бога разумомъ обидѣлъ. Крестьянскій Поземельный—это значить—крестьяне по землѣ ходятъ, а ей не владѣють. А дворянскій Земельный значить—дворяне ей владѣють, а по землѣ не ходятъ. Понялъ теперь, попова голова?!

— „А вѣдь и то пожалуй ты въ резонтъ сказалъ!“

— „А ты думалъ какъ? А вотъ я тебѣ бы ище про конституцію съ революціей рассказать, да некогда сейчасъ. Приходи ужо!“

Августъ Брутъ.

R E Q U I E M.

Всѣмъ,—силы отдавшимъ служенью народу,
 Любившимъ всѣмъ сердцемъ святую свободу,
 И павшимъ въ великомъ, священномъ бою,
 Всѣмъ вѣчную память я въ сердцѣ пою.
 Всѣмъ,—муки принявшимъ въ изгнаньи жесто-
 комъ,
 Утратившимъ силы и павшимъ въ далекомъ,
 Въ далекомъ, холодномъ, безвѣстномъ краю,
 Всѣмъ вѣчную память я въ сердцѣ пою.
 Всѣмъ,—годы проводившимъ въ тюрьмѣ безъ боязни
 И въ тюрьмахъ почившимъ, погибшимъ на казни,
 Всѣмъ вѣчнукъ память со мною поетъ
 Проснувшійся къ жизни весь русскій народъ.

П. Эльгрико.

Голосъ изъ Петербурга.

Въ мартѣ въ Питерѣ умиралъ и едва умеръ одинъ великій—чуть не святой, (около 20 лѣтъ при жизни былъ мощами), но многими проклятой мужъ. Когда это случилось, природа завывала отъ радости и надъ зданіемъ Синода—въ которомъ эти мощи сидѣя сидѣли тридцать лѣтъ и три года—пронесся смерчъ, при чемъ Петръ Великій съ гранитнаго пьедестала погрозилъ уходящему въ иную обитель бронзовымъ кулакомъ, а съ памятника Николая I послышалась команда: „Шагомъ маршъ“. Одинъ изъ египетскихъ сфинксовъ, что съ 1823 года стоялъ на Набережной Невы и наблюдаютъ жизнь Петрографа, отверзъ мрачные уста и упрекъ. „Черна душа изъ тѣла къ черту полетѣла“, а на Невѣ тотчасъ же открылся ледоходъ.

Августъ Брутъ.

СОНЪ БУРЕНУШКИ.

С К А З К А.

Буренушка была коровушка хорошая,—ведерница, и характеръ имѣла тихій да покладистый. Никогда—то она не озорничала, никого—то на рога не поднимала. Подпрыгивала изрѣдка, да и то не почему либо, не по капризу какому, а просто, такъ сказать, отъ духу времени: выпустятъ ее, напимѣрь, изъ коровника съ разрѣшенія начальства на улицу погулять, или сама какъ нибудь туда удеретъ нелегальнымъ путемъ, ну, глядя на другихъ, и она возьметъ, хвостъ подниметъ и давай взялошки. За то, бывало, стоитъ ея хозяину на нее окрикъ сдѣлать, она сейчасъ и хвостъ повѣситъ и уши опуститъ, сама на встрѣчу палкѣ идетъ, а ужъ коли кусочекъ увидитъ, да особенно круто посоленый, такъ и вовсе бери ее голыми руками.

По лѣтамъ пастухи знали ея этотъ норовъ покладистый отлично, чуть что,—сейчасъ Буренушку въ примѣръ другимъ коровамъ ставятъ: „смотрите, молъ, да поучайтесь. Тоже вотъ изъ одного же съ вами стада, а какъ свое поведеніе блюдетъ: на подножномъ корму пасется,—старается дальше своего носа не видѣть“...

Жила такъ Буренушка, и кто только про ея характеръ слыхалъ,—всѣ одобряли. И жила бы она такъ жила до конца своего коровьяго вѣка, если бы съ нею случай одинъ не случился.

Подралась разъ ея хозяйка со своимъ знакомымъ, который насупротивъ черезъ улицу жилъ. Изъ за глупости и драка то вышла: посередь улицы чьи то дрова лежали, буренушкина хозяйка ихъ на глазахъ у добрыхъ людей стибрить хотѣла, а сосѣдъ увидалъ:—дрова, говоритъ, не твои и не мои, лежатъ они и пусть лежатъ, не трожь. А та на драку полѣзла: ты, говоритъ, еще малъ мнѣ перечить-то, я сама во кака... Ну и разодрались. А подравшись, буренушкиной хозяйкѣ страсть какъ пить захотѣлось. А знала она по опыту, что ничѣмъ инымъ ея жажду потушить нельзя, окромѣ молочка отъ своей буренушки. Ну,

вотъ и стала она ее доить, да съ усердія то своего такъ приналегала, что корова то, не поштату, волкомъ завывала и хвостомъ замахала, чего съ нею отродясь и не бывало.

Не знаю, чѣмъ бы кончилось дѣло; можетъ быть хозяйка этого ей такъ бы не оставила (лютая была, бѣда!) да у себя то счеты со своими сводить было некогда, сосѣдъ то въ то время всю улицу въ полонъ захватилъ, и даже тѣ самыя галоши, которыя врагъ его, по неумѣлости драться, обронилъ, подобралъ и къ себѣ унесъ. Однимъ словомъ, и не досугъ, и недо того было.

А Буренушка тѣмъ временемъ въ своей обидѣ великой прошлась по хлѣву разъ, другой, третій, посмотрѣла туда, поглядѣла сюда, да вдругъ и видитъ, что помѣщеніе ея не только для коровы, да еще для ведерницы, грязно, а, пожалуй, и для свиньи-то не подошло бы: и темно-то оно, и тѣсно-то а ужъ пауковъ этихъ, пауковъ—и не перечестъ!—

— И какъ это я раньше этого какъ будто не замѣчала,—подумала Буренушка:—надо бы это давно немножко хотъ того, на иной ладъ передрѣлать.

Задумалась она надъ этимъ. Думала, думала и задремала...

И снится Буренушкѣ сонъ.

Видитъ она какую-то заморскую страну, въ страну эту ворота настѣжъ распахнуты, а на нихъ литеры стоятъ: „Блаженъ, еже и скоты милуетъ.“

Смотритъ она сквозь эти ворота и такое ли тамъ пріятное коровье обхожденіе замѣчаетъ, что просто разлюли—калачъ. Особенно бѣдненькой понравилось то, что доятъ тамъ во благовременіи, да мало того:—еще и съ разговоромъ. Идетъ, напимѣрь, персона какая, несетъ подойникъ,—и не больно чтобы ужъ какой обременительный да уродливой,—начинаетъ доить, подоить и спросить:

— А еще можно?—и сейчасъ на бочекъ подойника поглядитъ. А на немъ разныя графы проведены и всякія росписи видны.

— А вамъ на какой предметъ?—спрашиваетъ заморская Буренушка.

Наказъ Думъ.

Дума моя, Дума
Новая, вторая,
Дѣлай все, что можно
Для родного края;
Знай: давно избѣтны
Вѣтъ болѣзни наши.
Вдрукъ не расхлѣбаешь
Забареной каши.
Изабуди о прошломъ,
Наберись терпѣнья,
Приготовься видѣть
Свѣтопредетабленіе;
Приготовься встрѣтить
Мрака злыя силы,
Не пугайся очень
Выходцевъ моилы.

Знай, что и слѣзиною
Будетъ тамъ доволно,—
Иопути попробуй,
Хоть и будетъ болно,
Отложи на время
Многимъ удивляйся,
Разъ еще попробуй
Мирно столкнись.
А потомъ ужъ Дума
Новая, вторая,
Сдѣлай все, что должно
Для родного края!..

Галанскій.

— Да вотъ, отвѣчаетъ персона, какъ бы завтра годъ тяжелый не вышелъ, такъ маслица запасты, кое что смазать, надо.

— Ну что—жъ, дой, только легонько да въ мѣру...

— Эка жизнь—то не скотская!—умилилася во снѣ Буренушка и тихонько направилась въ самыя ворота.

Вошла за нихъ, поглядѣла вправо,—навозъ; хошь не много, а есть—таки.

— А я чаяла тутъ и навозу нѣтъ,—подумала она.

— Да у насъ его уже чуть-чуть осталось,—отвѣчаетъ ей кто—то:—такая ужъ это сторона „правая“: на ней всегда навозъ...

Взглянула Буренушка влѣво, и облилось ей коровье сердце словно родниковой водою: трава растетъ сочная да все постѣнная, сады стоятъ съ предупрежденіемъ отъ грѣха, обнесенные законной изгородью; вездѣ пруды да водоемы разные,—пей не хочу! Солнышко свѣтитъ, да таково искусно, что отъ него никакой тѣни нѣтъ.. Особенно понравился нашей Буренушкѣ снарядъ для распознаванія волковъ и прочей лѣсной твари-гадости. А дальше еще аппаратъ стоитъ, контрольный „запросомъ“ называется.

— Эхъ,—думаетъ сердечная,—мнѣ хоть бы денекъ въ этой обстановкѣ пожить: при такихъ порядкахъ, я бы не только ведро, а получай сколько хочешь,—не жалко; слава Богу, силы-то у меня э—она сколько!

А тутъ ей навстрѣчу заморская коровушка идетъ.

— Здравствуй, говоритъ, здравствуй. Поглядѣть и отдохнуть пришла? Слышали мы, знаемъ про твоихъ волковъ...

— Какихъ волковъ?—спрашиваетъ наша Буренушка.

— А какъ же? Ты думаешь, у тебя хозяева-то настоящіе? Они волки сущіе, порожденіе ехидны и все прочее. Мы вѣдь все знаемъ, со стороны то видѣе. Погляди-ка вотъ на снарядъ-то, почитай, что въ немъ написано, возьми вотъ хотя бы переводицу прочти.

Не привыкла Буренушка дальше своего носа глядѣть, да любопытство верхъ взяло. Погля-

дѣла она въ снарядъ этотъ, а тамъ уже и о томъ сказывалось, что она на свою хозяйку хвостомъ махала и что хозяйкѣ ея теперь впору съ жажды умереть, а потому она у заморской страны даже молока займы просить хочетъ.

— Да тутъ,—говорить,—про волковъ ничего нѣтъ.

— Ты это въ прошлогоднее мѣсто заглянула, а вотъ...

— Пстой, пстой,—перебила, удивясь, Буренушка:—какъ въ прошлогоднее? Да, вѣдь, я до сихъ поръ у себя въ молокѣ никому не отказывала.

— Вотъ то-то и оно-то. Ты думаешь все твое молочко на удивленіе естественныхъ надобностей идетъ? Какъ бы не такъ. Ты, вѣдь, ведерница-то на удостовѣреніе всему міру! Тутъ обманъ: твоимъ молокомъ, значить, жаднушихъ волковъ вскармливаютъ, а можетъ быть и иную лѣсную нечисть.

Облилось тутъ буренушкино сердце ядомъ, словно она, по недосмотру, бѣлены покушала. Вотъ тебѣ и фунтъ, говоритъ! Я—то изъ силъ выбивалась, я то напрягалась, а они на-ко моихъ лиходѣевъ вскармливаютъ! Шишь имъ теперь да и тотъ безъ масла...

И, смекнувъ кое что, начала она заморокую подругу молить:

— Будь другомъ, не давай ты имъ молока. Съ меня теперь взятки гладки, все вымя истискали да еще голодовку объявили. Пускай берутъ, гдѣ хотятъ. А я не только хвостомъ болтать, а, пожалуй, и рога въ ходъ пушу,—не маленькая, знаемъ теперь, какъ иные живутъ!..

И на этомъ самомъ мѣстѣ Буренушка проснулася. Поглядѣла туда, поглядѣла сюда,—и еще противнѣе коровникъ ей показался.

— Эхъ,—думаетъ она ужъ въявь:—только бы заморская подруга рѣчи мои поняла, взаемъ молока не давала. Ужъ я бы ихъ тутъ приструнила!..

На томъ и сказкѣ конецъ.

Таланскій.

Думскій бой.

Горить востокъ зарей кровавой.
 Ужъ въ кулуарахъ тамъ и сямъ
 Эс-де сцѣпились съ крайней правой...
 Сонливо тянется къ мѣстамъ
 Толпа зѣвакъ—мужчинъ и дамъ.
 Бюрократически—могучи
 Министры яркой звѣздной кучей
 Въ отдѣльной ложѣ всѣ сидятъ
 И за сраженіемъ слѣдятъ.
 Вдали стенографы пугливо
 Съ отрядомъ шпикъ и казаковъ
 Ужъ отмѣчаютъ торопливо
 Движеніе каждое враговъ:
 Враги не дремлютъ... рать за ратью
 Бросаясь съ яростнымъ проклятьемъ
 Вступаетъ въ новый жаркій бой,
 Ведя шпионовъ за собой.
 И знаки ждуть казаковъ роты.
 Повсюду падаютъ, разятъ
 И ядовитыя остроты
 На правыхъ сыплются, какъ градъ.
 И поле битвы роковое
 Сильнѣй все стонетъ и гремитъ
 Но ясно—счастье боевое
 Побѣду правымъ не сулитъ.
 Смѣшались рѣчи въ безпорядкѣ...
 И лѣвыхъ рѣчь попала въ цѣль:
 Паль Пуришкевичъ въ жаркой схваткѣ;
 Готовъ погибнуть Булацель
 И отступаетъ шагъ за шагомъ
 Въ безсильной злобѣ правыхъ рать
 И ужъ съ своимъ погромнымъ флагомъ
 Готова съ поля убѣжать...

Тогда-то, свыше вдохновенный,
 Премьера голосъ прозвучалъ:
 „Оглоблю мнѣ! я долго ждалъ.
 Довольно! кончатъ пусть сраженье.“
 И онъ скорѣй оглоблю взялъ
 И ею Думу разогналъ.

Мет.

Любопытный.

(исправленная басня).

Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?
 — Да на собраніе эсдекское ходилъ.
 Все видѣлъ, выслушалъ, отъ удивленья,
 Повѣришь, у меня нѣтъ ни умѣнья,
 Пересказать тебѣ, ни силъ!
 Ужъ подлинно, что тамъ ума палата!
 Куда другимъ до «пролетаріата»!
 Какихъ я жестовъ не видалъ!
 Какое слышалъ увѣреніе,
 Что пролетарію, въ одномъ теперь спасенье:
 Забыть скорѣе Маркса «Капиталъ»,—
 (О немъ никто: не молвилъ ни словечка)
 Что Марксъ?—смирненная овечка...
 Постой,—не можетъ быть! Помилуй, братъ,
 Ученіе Маркса у эсдековъ въ силѣ!
 — Да развѣ такъ?—Ей-ей.—Ну, виноваты:
 О немъ эсдеки намъ не говорили.

Эзопъ.

Драконъ и красавица.

Помню я старую, старую сказку... У морского побережья на сыпучемъ пескѣ высится голая черная скала. Къ ней прикована нагая дѣвушка чудной красоты. Пышные волосы одни—ея кровь.

Предразсвѣтнѣйшій туманъ повисъ надъ землею. Ни день, ни ночь.

Отчаяніе сквозитъ въ ея глазахъ. У ногъ ея копошится допотопное отвратительное чудовище, закованное въ желѣзную чешую.

Смрадь и дымъ валитъ изъ его пасти. Удушливые газы спираютъ дыханіе дѣвушки, кружатъ ея голову.

Драконъ все время разбиваетъ желѣзной лапой черепа витязей, что шли вызволять изъ неволи плѣнницу и погибали въ бою съ чудовищемъ у этой проклятой пещеры. Много зрѣлыхъ и сильныхъ, много юныхъ и смѣлыхъ, гордо сложило тутъ свои косточки. А онъ сосетъ теперь своимъ сквѣрнымъ хоботомъ мозги изъ ихъ череповъ.

Гадина не могла насытиться. Лѣниво и сладострастно потягивается онъ къ плѣнницѣ и скользкими, липкими кольцами начинаетъ обвивать ея нагое тѣло—все выше и выше...

Крикъ ужаса летитъ изъ трепещущей груди дѣвушки...

Въ отвѣтъ на этотъ крикъ звучитъ гдѣ то недалеко за горою рогъ.

То новый богатырь идетъ на бой съ чудовищемъ.

И новый лучъ надежды зажигается въ скорбныхъ очахъ красавицы.

Чудовище вздрогнуло и насторожилось.

Кто побѣдилъ?

Въ сказкѣ говорится, побѣдилъ богатырь.

Ж. Ктто.

(См. стр. 2-ю)

Бюллетень

метеорологической станціи.

Политическая весна вступила въ свои права.

Температура повышается. Благодаря продовольственникамъ, губерніи Самарская и Уфимская недавно были **нагрѣты** градусовъ на 40.

Давленіе—далеко выше нормальнаго.

Вѣтеръ, тихій, Ю. З., подающій нѣкоторыя надежды на новый заемъ.

Въ С.-П-бургѣ выпалъ каменный дождь.

Въ общемъ весна обѣщаетъ хорошій урожай, если на горизонтѣ не появятся новые Гурко—Лидвали. *)

БРЫЗГИ.

Когда получился «логическій выводъ» депутата Пуришкевича, онъ въ отчаяніи взывалъ къ начальнику охраны Таврическаго Дворца Остенъ-Сакену: «Баронъ!.. О, дайте, дайте, мнѣ галашу, я пойду и утоплюсь!»

А. Б.

*) По увѣренію компетентныхъ членовъ союза Русскаго Народа въ скоромъ времени по Россіи долженъ пройти ураганъ необычайной силы. Говорятъ, особенно пострадаетъ европейское населеніе.

«НОВЫЯ СЛОВА».

(опытъ библіографическаго толкованія.)

«Новыя слова» — это «краткій энциклопедическій словарь, составленный А. М.—мъ, К. Г.—ко и К. П.—мъ», отпечатанный въ типографіи товарищества газ. «Уральскій край» въ Екатеринбургѣ и стоющій въ розничной продажѣ равнымъ счетомъ 13 копѣекъ.

Въ предисловіи къ «новымъ словамъ», составители ихъ выражаютъ увѣренность, что въ первое время гражданской жизни въ Россіи предлагаемый словарь можетъ вполне удовлетворить пробудившееся сознание русскаго простого чело­вѣка.

Такимъ образомъ, уже въ самомъ «предисловіи» обнаруживается нѣчто новое: въ немъ русскіе люди, подобно числамъ въ ариметикѣ, подраздѣляются на величины «простые» и «именованныя».

Послѣ этого, «пробудившееся сознание простого русскаго чело­вѣка» начинаетъ удовлетворяться слѣдующими, въ высокой степени новыми, словами.

На букву А.

Австралія; это видите ли «пятая часть свѣта, открытая въ 1606 г. голландцами».

Это, оказывается ново, но еще новѣе Америка — «четвертая часть свѣта, гдѣ находится республика Сѣверо-Аме­риканскіе Соединенные Штаты. Открыта въ 1492 г. Колумбомъ».

Европа же, Азія и Африка открыты не были, почему и не отнесены къ «новымъ словамъ». Собственно говоря, и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты тоже не относятся къ «новымъ словамъ», и поэтому словарь особо ихъ не отмѣчаетъ. Позво­лительно предположить, что Штаты эти появились, очевидно, раньше Америки.

Самоновѣйшее слово — Австрія — «главная часть Австро-Венгерской конституціонной монархіи». Венгрія же — слово не новое, вѣроятно, потому, что она не является «главной частью».

Весьма интересное «новое слово» анекдотъ — «случай, обыкновенно смѣшной случай; забавное происшествіе».

Столь же «новыми» словами являются: аренда, армія, артель.

На букву В — открыты два новыя государства: Бельгія — «государство Западной Европы, конституціонная монархія» и Болгарія — «княжество, конституціонная монархія».

Затѣмъ слѣдуютъ «новыя слова»: бездѣйствіе власти и большинство голосовъ.

На букву В окончательное — новымъ для «простого русскаго чело­вѣка» является слово власть.

Вѣсть съ тѣмъ, «пробудившееся сознание» сильно пора­жается и другимъ «новымъ словомъ» — выемка. Оказывается, что выемка есть ни что иное, какъ «отобраніе предметовъ, кото­рые могутъ служить доказательствомъ преступленія или виновности подозреваемаго лица».

На букву Г. открыты, прежде всего, опять — таки двѣ но­выя страны: Германія; «конституціонная монархія Западной Европы», и Греція — «королевство, конституціонная монархія». Совершенно новымъ для Россіи, оказывается слово — государственные долги.

На букву Д. заслуживаетъ вниманія вновь открытая Да­нія, «конституціонная монархія»; мѣстожителства ея не указано.

Буква Е. представляется буквой чрезвычайно скромной. Съ нея начинается только всего одно «новое слово» — евангеліе.

Буква Ж. даетъ для «пробудившагося сознания» прекрасное «новое слово» — ясуиръ — «ведущій веселую беззаботную жизнь».

Съ буквы З. начинаются заповѣдные лѣса, это оказы­вается «такіе лѣса, въ которыхъ запрещено рубить деревья». Просто и хорошо.

На букву И. въ словарь приведено нѣсколько, крайне новыхъ для «простого русскаго чело­вѣка» словъ, какъ-то: имперія, иго, инвалидъ, идіотъ.

Буква К. также изобилуетъ «новыми словами».

Съ нея начинается «конституціонно-демократическая партія», самая серьезная и самая обширная (на 1½ страницы) вещь изъ всего словаря.

Потомъ на эту букву идутъ нѣсколько великихъ людей Колумбъ, Христофоръ, Кантъ, Ковалевская С. В. и Ковалевскій М. М.

Имѣются также весьма поразительныя «новыя слова», вродѣ: канцелярскій слогъ, книгопечатаніе, корреспондентъ, красный, крахъ, круговая порука, кумиръ, крылатое слово, кустарная промышленность, кустарь.

Не менѣе новымъ оказывается выраженіе — козелъ отпу­щенія.

Тутъ же для дѣйствительно истинно-русскаго простого чело­вѣка объясняется, что «новое слово» крамола означаетъ, пред­ставте себѣ, «слуту и изпѣну» (!). Каково?!

Наконецъ, «пробуждающемуся сознанию» рисуются краси­выя «новыя слова»: комплиментъ, что означаетъ «любезность», и куртизанка, — что означаетъ «любожнцу знатнаго чело­вѣка».

На букву Л. совершенно неожиданно открываются два новые города: Лондонъ — «столица Великобританіи (Англіи)» и Лодзь — «уѣзный городъ Петровскій губ. Главнѣйшій центръ фабричнаго производства въ Россіи. 315 т. жителей. Около 500 фабрикъ съ 45 тыс. рабочихъ».

Здѣсь же толково разъясняется, что лицей есть ни что иное, какъ «учебное заведеніе».

На букву М. имѣется одна новая страна — Монголія, «страна въ Азіи, находится въ зависимости отъ Китая, смежная съ Сибирью».

Сообщается также, что маньякъ это есть «сумашедшій», а манія величія — это «когда чело­вѣкъ воображаетъ, что онъ великъ».

Монотонный — это значить: «однообразный».

Но самое главное для простого русскаго чело­вѣка «новое слово» монополія, «право на пользованіе чѣмъ-либо (торговлей, промысломъ), исключительно принадлежащее государству или ка­кому-либо лицу или обществу».

«Простому русскому чело­вѣку» предоставляется самолично рѣшить, кому принадлежить право винной монополіи.

На Н. открывается новая страна Норвегія, «королев­ство на Скандинавскомъ полуостровѣ».

Указывается также самоновѣйшее слово — налоги.

На О. начинается ораторъ, сирѣчь «чело­вѣкъ, могущій говорить передъ собраніемъ». Просто, но все-таки ново.

Еще новости — охрана, общественное мнѣніе.

И того лучше «новое слово» — обыскъ.

Буква П. знакомитъ съ великимъ чело­вѣкомъ — Побѣдоносцевымъ К. П.

Слово, какъ видимъ, совершенно новое.

Столь же ново — и слово правитель­ство.

На букву Р. начинается чудесное новое слово Рюрикъ — это «первый русскій князь, съ котораго и начало образовываться русское царство (въ 862 году послѣ Рожд. Христова)».

Да здравствуетъ Рюрикъ!

Новыми нужно считать слова рабство, ростовщичество, религія и даже, между прочимъ, разбой.

Изъ вновь открытыхъ странъ имѣемъ Румынію — «коро­левство на Балканскомъ полуостровѣ».

Далѣе узнаемъ кое-что новое по части литературы.

Такъ, оказывается, что редакція, это есть «мѣсто, гдѣ составляется газета». Отсюда понятно, что «письмо въ редакцію» есть обращеніе къ тому самому мѣсту, гдѣ составляется газета.

Послѣ этого сказано кратко, но мѣтко: «Романъ — по­вѣсть».

Романъ — это ново, а повѣсть — старо. Простому русскому чело­вѣку «предоставляется самому сдѣлать умозаключеніе: по­вѣсть — романъ. Если на деревѣ Романа до сихъ поръ называли некрасиво «повѣсой», то отнынѣ будугъ называть изящно «по­вѣстью».

На С. — еще новая страна: Сербія — «королевство, консти­туціонная монархія». Находится — неизвѣстно гдѣ.

Изъ «новыхъ словъ» выделяются особенно: сатира, сво­бода, секретъ, смѣта, сословіе, студентъ.

Сумбуръ — это оказывается: «вздоръ, беспорядокъ».

Сфера — «шаръ, область». Отнынѣ во время игры «въ шаровку» простой русскій чело­вѣкъ будетъ восклицать: «Ну, и ловко же ты, братецъ, сферу-то хватилъ»!..

Стадія — это «ступень». Въ просторѣчій теперь появятся фразы вродѣ такой: «А у нашего старосты на крыльцѣ 5 стадій».

На букву Т. особенно знаменитымъ является слово тра­гедія, что обозначаетъ «сочиненіе для разыгрыванія въ театрѣ», въ противовѣсъ «драмѣ» У «комедіи», которыя являются ста­рыми словами, но отнынѣ не сочиненіями, и, очевидно, ничего не выражають.

Буква выдвигаетъ въ высокой степени «новыя слова» — указъ, улики, управленіе.

«Управленіе» — это есть «совокупность» всѣхъ администра­тивныхъ учрежденій.

Такъ что полицейскій, увлекая кого-нибудь въ кутузку, не долженъ говорить:

— Айда въ полицейское управленіе!

Но долженъ сказать:

— Идемъ въ совокупность всѣхъ административныхъ учреждений!

Рядомъ съ этимъ, изобрѣтено новое русское слово — усугубленіе, что значить: «увеличеніе, повтореніе съ цѣлью при­дать какой-либо мысли большую силу».

Изъ иностранныхъ новыхъ словъ обращаетъ на себя вни­маніе ультра — «сверхъ должной мѣры».

Сельскій торгошъ привыкъ говорить покупателю по-русски: — Я тебѣ, братъ ситцу-то съ походцемъ нынче отпустилъ..

«Съ походищемъ» — грубо, рѣзко, недѣлкатно.

Нужно говорить:

— Ультру отпустилъ...

Нѣжно, мягко, деликатно.

Съ буквы Ф. начинается загадочное новое слово — франк­массоны. Въ словарь напечатано, что франкмассоны — это есть «см». Однако, что означаетъ слово «см», само по себѣ достато­чно новое, — этого не сказано.

Зато найдено и объяснено новое слово — Финляндія, «ве­ликое княжество, входящее въ составъ Россійской Имперіи».

Здѣсь же простой русскій чело­вѣкъ съ пробудившимся соз­наніемъ узнаетъ весьма важное новое слово — флиртъ, что озна­чаетъ «любовное заигрываніе».

На букву Х. — устроенъ новый городъ Христіанія. Это — «столица Норвегіи. Въ ней собираются народныя представители». Выходитъ, что народу до сихъ поръ морочили глаза, заявляя будто народныя представитали собираются въ Петербургъ, а не въ Христіаніи. Истинно: гдѣ же и соби­раться православнымъ христіанамъ, какъ не въ Христіаніи?

Въ высшей степени ново: холопы и холодное оружіе.

Весьма интересно, что хроникеръ, это—«газетный сотружникъ, собирающій новости мѣстной жизни и относящій ихъ затѣмъ въ то мѣсто, гдѣ составляется газета». Вотъ это, какія люди!

Буквою Ш. открывается новая страна Швейцарія—«республика въ Западной Европѣ». (Примѣчаніе: сама же Западная Европа все еще не открыта).

На букву Э. начинаются все болѣе страшныя и очень умныя новыя слова.

Напримѣръ, эпоха, которая на этотъ разъ оказывается «промежуткомъ времени отъ какого-либо событія».

Эстрада—просто «возвышеніе»

Такъ что горы будутъ уже называться «усугубленіемъ эстрады».

Буква Ю. свидѣтельствуетъ, что юмористъ есть «человѣкъ, обладающій юморомъ» или, иначе, добродушной насмѣшкой надъ человѣческими пороками и недостатками». Это—юморъ.

На букву Я. значится послѣдняя изъ вновь открытыхъ странъ—Японія, «въ восточной Азіи, между Японскимъ моремъ и Велик. Океаномъ, расположена на островахъ».

Блещетъ новизною слово явка.

Явка, это—«засвидѣтельствованіе какого-либо акта нота ріусомъ». Отсюда легко понять, что такое представляетъ собою напр. явка къ отбыванію воинской повинности.

На букву Э. имѣется только одно новое слово: Эемида—«богиня правосудія, изображается съ вѣсами и завязанными глазами». Почему богиня—не сказано.

Въ концѣ концовъ, обогативъ «пробудившееся сознаніе простого русскаго человѣка» новѣйшими понятіями, словарь, къ сожалѣнію, не разъясняетъ одного:

Что, собственно, представляютъ изъ себя «Новыя слова»; И какъ ихъ, грѣшнымъ дѣломъ, понимать?

М. Б.

КОШМАРЪ.

О, дайте воздуха и свѣта!..

Чадъ, копоть смрадная, угаръ—

Ужель дѣйствительность все это,

А не кошмаръ?

А гдѣ же свѣтлая свобода,

Которой жаждемъ мы давно?

Гдѣ воля русскаго народа?..

Темно, темно!

Самъ сатона бы испугался,

Какъ нынѣ страшенъ человѣкъ!....

О, какъ ужасно ты начался,

Двадцатый вѣкъ!

Чѣмъ ты порадовалъ намъ взоры?

Что намъ отрадное принесъ?

Потоки крови, труповъ горы

И море слезъ!...

О, дайте воздуха и свѣта!

Чадъ, копоть смрадная, угаръ—

Ужель дѣйствительность все это,

А не кошмаръ?

Елизавета Гадмеръ.

Въ чемъ истинная причина катастрофы въ Таврическомъ дворцѣ?

Въ первой Дулитъ ироико, елило
Тоборилосъ мною словѣ,
Направляемыхъ всецѣло
Къ „потрясенію основъ“.

Такъ чему же удивляться,
Что застabilъ ихъ потокъ
Нонемногу разрушатся
Думской залы потолокъ?..

Что потомъ, когда эе-эре
Въ Думу новую вошли
И съ собою въ атмосферу
Конденсацию внесли?..

Мо такую напряженъ
Не осилили тогда
Потолочныя скрѣпленъ,
И—случилася дѣда.

И, побѣрите, что напрасно
Въ Петербургѣ ищутъ домъ,
Чтобы Дулитъ безопасно
Заниматься было въ немъ:

Толосъ русскаго народа
И раскатилъ и силентъ—
Нѣтъ ниидъ такою свобода,
Тдѣ бы моѣ влѣстителъ онѣ!

Есть одинъ лишь подходящій
Свобдѣ для Думы молодой,
Свобдѣ просторный, настоящій,
И ремонта не просящій,
Онѣ—надѣ нашей юлобой!

Мамѣ, подѣ куполомъ природнымъ,
Предетвительямъ народнымъ
Не ирозитъ набѣрняка
Злая смерть отѣ... потолка!

Будетъ тамъ звучать далече,
Какъ и ветарѣ, родное вѣче
И ею моуучій плаетъ
Донесется и до насѣ.

На лужайкѣ, бѣ чистомъ полѣ—
Вотѣ, идѣ Дулитъ застѣдатѣ,
Вотѣ, идѣ можно разеуждатѣ
О свободѣ и о болѣ,

А не бѣ комнатахъ дворца,
Тдѣ народные бити,
Но битѣ бюрократіи,
Такъ и жди себѣ конца!

СЪ КОНКУРСА:

Отъ редакціи. Конкурсъ состоялся. Первой преміи судьи не присудили ни кому. Вторая и третья присуждены. За что—каждый можетъ увидѣть въ этомъ №-рѣ.

Ш У Т К А.

(2-я премія).

Вопросъ. Кто постоянно говоритъ „мы“?

Отвѣтъ. Садовые рецензенты, коровы и... цари.

Нѣчто о Гурко.

(3-я премія).

1) Повидимому, Гурко очень нервный господинъ. Говорятъ, когда онъ прочелъ извѣстное письмо Стаховича, то тотчасъ впалъ въ эстерику*).

2) Занимаясь филологическимъ изслѣдованіемъ фамилии „Гурко“, мы невольно натолкнулись на довольно темную исторію, объяснившую намъ происхождение славнаго „генерала отъ продовольствія“.

Оказывается это Гурко—ни что иное, какъ „Нур-ко“. Извѣстно, что „Нур“ по нѣмецки проституція, а „Ко“—фамилія одной извѣстной пѣвицы...

Въ дальнѣйшемъ предоставляемъ разобраться самому читателю.

Ш А Р А Д А.

Мое начало покупаютъ,
Мое начало продаютъ,
Средину буквой называютъ,
Въ обѣдъ конецъ мой подають.
Бываютъ цѣлымъ офицеры,
И гимназисты и путейцы,
И анархисты, и эсеры
И поголовно всѣ эсдейцы.

Отв.:

1-ое товаръ

2-ое и

3-ье ши

Цѣлое товаръ и ши (товарищи).

*) Адэлина Патти.

* * *

Христось Воскресъ!... О, не для всѣхъ!
Хоть Онъ за всѣхъ страдалъ,—
Онъ не воскресъ еще для тѣхъ,
Кто вновь Его распялъ!

Голговы есть и до сихъ поръ!
Есть много лобныхъ мѣстъ,
Гдѣ и понынѣ видить взоръ
Съ Христомъ распятымъ крестъ!

Какъ тѣнь, чернѣетъ онъ вездѣ,
Гдѣ произволъ царитъ,
Гдѣ брата братъ морить въ нуждѣ,
Гдѣ совесть крѣпко спитъ...

Вы всѣ, кто ближнихъ угнеталъ
Кто проливалъ ихъ кровь,—
Для васъ Христось не воскресалъ:
Распятъ онъ вами вновь!

Елизавета Тагмеръ.

ПРЯМО ИЗЪ ДУМЫ.

(по телеграфу).

Боюсь напугать. Головинъ—то что выкинуть!
Съѣздивши въ царское село, набрался такого гонора
и пыла, что выгналъ всѣхъ лѣвыхъ изъ думскаго
зала.

Что будетъ дальше, не знаемъ.

Полная революція.

О конституціи и слыхомъ не слыхать.

Сплетень не пересчитатъ. Столыпину скоро
крышка. Такъ, покрайней мѣрѣ, упорно говорятъ
сферы.

Въ окрестностяхъ Кушвы.

Близко отсюда заводикъ стоитъ,
Корпусъ „ловителя“ строили тамъ.
Всѣ же расходы снесли на „кредитъ“
Деньги же взялъ за ту штучину „самъ“
Дикій кутила начальствуетъ здѣсь.
Все же въ святыя недавно попалъ.
Дивный акафистъ ему уже есть,
Только умнѣе съ того онъ не сталъ.

Штыкъ.

Деньги!..

Требуется 10,000 рублей для залога на случай предъявленія обвиненій отъ свободнаго суда къ редактору „Гнома“ за уголовныя преступленія, караемыя „конституціонными законами о печати“, не содержащимися въ 45 тысячахъ томахъ законовъ, распоряженій, временныхъ и постоянныхъ правилъ, указовъ и наказовъ, циркуляровъ, отношеній, доносеній, заключеній, уясненій, объясненій, дополненій, къ руководству и не къ руководству прилагаемыхъ и пр. и пр. и пр..

Кушвинскій заводъ.

... марта по предписанію губернатора арестовано пятнадцать человѣкъ за демонстрацію въ день открытія Госуд. Думы. Полиція, по обыкновенію, пересолила: въ числѣ арестованныхъ есть лица, совсѣмъ неучаствовавшие въ демонстраціи; такъ, напр., арестована одна очень солидная дама, извѣстная своими монархическими взглядами; до сихъ поръ, кромѣ крестныхъ ходовъ и похоронныхъ процессій, она никогда и ни въ какихъ уличныхъ шествіяхъ участія не принимала. Думаю, что теперь, отсидѣвъ ни за что, ни про что два мѣсяца, она измѣнитъ свои взгляды и, кто знаетъ, быть можетъ обратится въ анархистку!

Въ день ареста многочисленная толпа народа собралась около квартиры становаго пристава требовать освобожденія арестованныхъ. Въ виду малочисленности полиціи, въ дѣлѣ усмиренія народныхъ массъ дѣятельное участіе приняла госпожа К., супруга управителя завода.—Не стерпѣло ея дворянское сердечушко, затопала она ноженками, закричала зычнымъ голосомъ... Сильно гнѣвалась она, что разные безусые, „неимѣющіе образовательнаго ценза“, мальчишки смущаютъ народъ, которому надлежитъ работать и повиноваться, повиноваться и работать.

Но „мужичье“ оказалось на этотъ разъ непочтительнымъ и подняло на смѣхъ добровольную охранительницу.

Очень возможно, что и полиція не оцѣнитъ ея усердія и, чего добраго, тоже подвергнетъ ее заключенію... Вотъ будетъ картина!

Бр...

ЭКСПРОМПТЪ.

Въ государственномъ совѣтѣ
Засѣдаютъ тѣ и эти.

Всѣ сѣры, какъ ночью кошки,
Ни о чемъ они не спорятъ.
Не волнуются ни крошки,
Всѣ умѣренно гуторятъ:

Коль законно,—такъ отлично,
Не законно,—политично:

Значитъ, это отвѣчаетъ
И запросу, и моменту,
Значитъ, это поднимаетъ
Государственную ренту“.

Но зачѣмъ же, объясните,
Засѣдаетъ тамъ и Витте?

Онъ, вѣдь, знаетъ, что моменты
Не совѣтомъ уловлялись,
И что курсы нашей ренты
Не „оглоблей“ поднимались.

Для чего же онъ въ совѣтѣ,
Гдѣ сидятъ и тѣ и эти?

С. Г.-III.

СЪ НАТУРЫ.

По улицѣ движется рядъ извозчиковъ, на каждомъ по 3—4 арестованныхъ рабочихъ, по бокамъ городовые, солдаты.

Публика съ любопытствомъ останавливается и смотритъ на странный кортежъ.

На углу къ кучкѣ молодежи подходитъ старушка,—„что это, батюшки, куды это ихъ везутъ?!“

— „Въ тюрьму, бабушка!“

— „Да кто же они такіе, разбойники али воры?“

— „Рабочіе, бабушка“;

— „Рабо-о-чіе? Да за что-же ихъ въ тюрьму-то?“

— „Правду искали, бабушка, справедливость, вотъ ихъ и въ тюрьму!“

— „Да, нѣшто, правды-то нѣтъ на свѣтѣ?“

— „Нѣту, бабушка, померла правда-то!“

— „Померлаа... вонъ что,.... царство небесное..... а мнѣ-то, старой, и невдомекъ. Жалко, жалко.....“

И старушка набожно крестясь, поплелась дальше.

Н. Ферть.

Строгое наказаніе.

«Гурко лишень особаго содержанія въ 8000 рублей и теперь получаетъ только 12000 рублей жалованія, и отъ четырехъ до пяти тысячъ наградныхъ».

(Изъ газетъ).

Бѣдный Гурко огорченъ:—

За Лидвалевское дѣло

Черезчуръ наказанъ онъ!

—Такъ неловко, неумѣло

Съѣлъ авансомъ миллионъ,

И за то, безъ содроганья,

Наложили наказанье:—

(Гдѣ-же правда, гдѣ законъ?)—

Не глядя на оправданья,

Вдругъ лишили содержанья—

Восьми тысячи рублей!!!...—

Онъ теперь на прозябанье,

Вмѣсто жизни, обреченъ!

—Но кому-же-ей-же-ей!—

Хватитъ хоть на пропитанье

Тѣхъ ничтожнѣйшихъ грошей,

Получать что ежегодно

Съ этихъ поръ онъ принужденъ!—

Скажетъ вамъ, хоть, кто угодно,

Что семнадцать тысячъ—сумма

Далеко не велика,

И при ней жизнь не легка,

Безпросвѣтна и угрюма

Для того, въ комъ глубока

Такъ любовь къ маламъ Эстерамъ,

И къ высокимъ самымъ сферамъ...
Право,—очень я смущенъ,

Въ томъ свидѣтелемъ мнѣ небо,—

Изъ за прѣклятаго хлѣба

Такъ страдаетъ, бѣдный, онъ:

Вѣдь, другому-же овесъ

Никакихъ бѣдъ не принесъ?

Шмель.

Читаю лекціи по вопросу о порядочности, ничего общаго съ гнусностью не имѣющей. Сочиняю «грязныя» письма. Имѣю большой запасъ русской «словесности» и дешеваго остроумія. Адресъ: Тюмень. Клубъ. О. Д. Юнцову.

Марсельеза „Гнома“.

(шутка).

Вставай, подымайся, острякъ молодой,
Берись за полезное дѣло
И смѣхомъ свободнымъ, ироніей злой
Борись за свободу ты смѣло!
Пусть смѣхъ беспощадный твой все осмѣетъ
Людскія пороки и маски,
Клеймить бюрократовъ, неправду ихъ, гнетъ
И вѣру во лживыя сказки.
Тѣ сказки о добромъ какомъ-то царѣ,
Не знавшемъ неправды и несправдливости,
Мечтавшемъ о счастьѣ народномъ, добрѣ...
Взывай за свободу ты къ мести!
Вставай, подымайся, острякъ молодой,
Берись за полезное дѣло
И смѣхомъ свободнымъ, ироніей злой
Борись за свободу ты смѣло!

П. Эльгрико.

„НЕ СУМЛѢВАЙСЯ.“

Квартирантка. Что-то, хозяинъ, потолоки-то у меня въ квартирѣ потрескиваютъ все. Кабы не обвалились, смотри! Знать, шибко старые они у тебя?

Домовладѣлецъ. И... не сумлѣвайся, пожалуйста, милушка! Недавно-съ поправлялъ ихъ... Не въ Думѣ Государственной вѣдь, не обвалятся!

Комаръ.

Между инженерами.

1.—Нѣтъ какъ себѣ хотите, а математика еще не совершенна!

2.—?

1.—Формула была построена совершенно правильно, а онъ, представьте себѣ, провалился на 6 часовъ раньше!....

Въ защиту Гурко и Лидваля.

Хоть нападаютъ все на Гурко,
Ну,—а за что?
Что, какъ отецъ, не билъ онъ турка,
Виновень кто?
Не всякому-же быть героемъ
Дано судьбой!—
За что-же Гурко такъ злословимъ
Всей прессой злой?
Не схожъ съ отцомъ?—То воля неба?—
Вотъ и не схожъ!
Срамъ принялъ съ заготовкой хлѣба?—
Такъ это—что-жъ?!
И—знаете-ль?—Мнѣ и Лидваля
Ужасно жалъ...!—
Все цѣло было-бъ въ Думскомъ залѣ,
Когда-бъ Лидваль
Завѣдывалъ ремонтомъ зданья
Подъ парламентъ;
Не прервали-бъ заседанья
Ни на моментъ:—
—Взвѣсивъ громоздкихъ махинацій
Надъ потолкомъ
(Съ кловетной схемой вентиляцій
Лидваль знакомъ!),
Устроилъ-бы онъ, безъ сомнѣнья,
Рядъ трубъ такихъ,
Какъ въ «ватерахъ», для очищенья,—
Трубъ вытяжныхъ...
И было-бъ дешево и мило,
И потолокъ,—
Хоть балки ветхи все и гнилы,—
Упасть не могъ.
Да!..Полетѣла-бъ штукатурка
Тогда едва-ль!...
За что-же такъ изруганъ Гурко,
А съ нимъ—Лидваль?!
Но, еслибъ даже и упала,—
Такъ—не бѣда;
Вѣдь, кресламъ причинила-бъ мало
Она вреда:
Тогда-бъ всю мебель составляли
На цѣлый залъ
Кловеты фабрики Лидваля,—
(Комплектъ не малъ!).
Литые были-бы, изъ цинка
Иль изъ свинца...
Оригинальная новинка!—
И безъ конца
И выгодно, и все въ удобно
Такъ засѣдать
Палаты членамъ—безподобно!—
Чего-жъ желать?..
Вреда-жъ кловетамъ штукатурка
Не принесетъ!..
За что-жъ, за что,—скажите,—Гурко
Позоръ несетъ?
Зачѣмъ съ Лидвалемъ ихъ тревожатъ,
Влекутъ подъ судъ?—
Они кловетами, быть можетъ,
Страну спасутъ!..

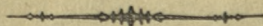
Шмель.

РЕФОРМА.

Мы до новыхъ дней дожили,
Все теперь реформируютъ:
БАТОГАМИ прежде били
А теперь ОГЛОБЛЕЙ—вздуютъ.

Гноменокъ.

БЫЛЬ.

Аукціонъ русскаго флота.

«Вчера на Мѣховой, возлѣ дома № 28, было необычайное оживленіе.

Цѣлая вереница каретъ, извозчиковъ... Дверь подъѣзда не закрывалась. Входили и выходили. Международная публика говорила на всѣхъ языкахъ, до польскаго включительно. Свѣтскія дамы, кокетки, кавалергарды.

Это осматривали продающуюся съ аукціона обстановку бывшей артистки Михайловскаго театра Балетта.»

А въ «Новомъ Времени» на первой страницѣ помѣщено объявленіе о богатомъ аукціонѣ роскошной квартирной обстановки г-жи Балетта.

«Мебель работы лучшихъ парижскихъ фабрикантовъ; гостинная Люд. XVI, обитая обюссовъ, кушетка, бергеры Люд. XV и Люд. XVI; банкетки и столы съ отдѣлкою изъ бронзы и севрскаго фарфора; шкафчики и комоды Люд. XVI; зеркала; портьеры шелковые; ковры французскіе и смирскіе, столовая ст. Ренессансъ: бюро маркетри Лд. XV съ бронзою; экраны и ширмы Люд. XVI; витрины Люд. XVI; картины извѣстныхъ художниковъ; гравюры англійскія; акварели; рисунки; кабинетъ стиль модернъ; люстры и бра бронзовыя Люд. XV и Люд. XVI; серебро старинное; лампы и люстры электрическія; фарфоръ: севрскій, саксонскій, датскій и друг.; умывальникъ; шкафъ неогороемый; 100 платьевъ балныхъ и другихъ; 50 шляпокъ кружевныхъ; ретонды мѣховыя и проч., и проч.»

Вотъ она ликвидация Цусимы! Несгораемый шкафъ, разумѣется, пусть, его содержимое уже давно опорожнено и сдано на храненіе даже не въ русскій государственный банкъ, а въ Credit Zyonnais, гдѣ скапливаются многомилліонныя «сбереженія» международныхъ кокотокъ и ихъ содержателей.

Вмѣсто брони покупались 100 платьевъ балныхъ и другихъ для г-жи Балетта, миновосцы замѣнялись 50-ю «кружевными шляпами» для нея-же, а бронза пушекъ шла на люстры ея квартиры, на освѣщеніе умывальной комнаты, гдѣ висѣли парнографическія картины.

Свѣтскіе дамы кавалергарды и военные другихъ родовъ оружія пришли на аукціонъ, сѣмша или купить своимъ кокеткамъ имущество чужой уѣздающей, или хотъ посмотрѣть, какъ очень высокіе люди устраиваютъ протектируемыхъ ими артистокъ.

Эта распродажа носитъ тотъ характеръ цинизма, про которую Некрасовъ въ его Убогой и Наридной сказалъ:

«Ихъ цинизмъ доходитъ до грацій». За цѣну каждой шляпки можно покрыть развороченныя крыши цѣлыхъ голодающихъ деревень, а по словамъ одной изъ столичныхъ газетъ; «какой то досужій статистикъ сдѣлалъ подсчетъ и по его вычисленію, оказалось, что за одни эти тряпки, идущія теперь съ молотка, заплачено, по меньшей мѣрѣ, до 100 тысячъ франковъ. «Удивляйся, но не подражай!» сказалъ бы Бузьма Прутковъ.

Бывшая тутъ же на осмотрѣ французенка замѣтила: «намъ такихъ нужно по больше! Ça fait marcher le commerce.»

Послѣдняя французская фраза въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: «это поддерживаетъ торговлю».

Я думаю! на сто тысячъ невужныхъ г-жѣ Балетта «тряпокъ», не считая бронзы, мебелировки и тѣхъ бриллиантовъ, которыя она увезла съ собой, продаются съ публичнаго торгова женщиной, на лбу которой написаны, по словамъ того же поэта, роковыя слова:

— Продается съ публичнаго торгова.

Нужно имѣть наглость, безстыдство, чтобы устроить эту распродажу!

Можно ли не выразить презрѣнія къ русской націи, чтобы позволить себѣ въ ея столицѣ распродажу имущества, прибрѣтеннаго на деньги, предназначенныя на русскій флотъ.

Нужно быть увѣреннымъ въ томъ, что въ Россіи «все можно» и что никто «не посмѣетъ» слова сказать даже при публичномъ доказательствѣ нашего позора.

Вѣдь вѣмъ извѣстно, кто покровительствовалъ г-жѣ Балетта, какъ всѣ знаютъ и то, что этотъ высокій покровитель стоялъ во главѣ русскаго флота—но эта всеобщая извѣстность не помѣшала свѣтскимъ дамамъ, кавалергардамъ и военнымъ людямъ другихъ родовъ оружія явиться для покупки остатковъ нашего флота. «Земные громы» эти люди держать въ своихъ рукахъ—ну, а что касается совѣсти, такъ у насъ даже и поговорка выработалась: до Бога высоко!

Мы не могли не сказать нѣсколькихъ строкъ объ этомъ аукціонѣ, такъ какъ поди не у одной крестьянской семьи нашей губерніи есть убитые, сожженные живьемъ или утопленные въ бояхъ съ японцами.

Имъ слава и вѣчная память—а позоръ владельцамъ аукціоновъ, гдѣ съ публичнаго торгова лица высшаго общества покупаютъ ночные горшки севрскаго фарфора!

изъ В. С.

Колыбельная пѣсня.

Спи, девятый номеръ «Гнома»,

Баюшки баю,

Надъ тобой я боевую

Пѣсенку спою.

* *

Мирно спи, не рвись на волю,

Не ходи въ народъ.

На тебѣ лежитъ тяжелый

Полицейскій гнетъ...

* *

Весь лежишь, опутанъ сѣтью

Тонкой бичевы,

Крѣпко, крѣпко припечатанъ,

Спи себѣ, да спи...

* *

А редакторъ злополучный

Все на «Гномъ» глядитъ,

И унылый и печальный

Пѣсенку твердитъ:

* *

«Спи, девятый номеръ «Гнома»,

Баюшки баю...

Надъ тобою отходную

Пѣсенку пою».

Тюменскія брызги.

1) А вѣдь союзъ то взаимопомощи приказчиковъ не разрѣшенъ!

2) Быть этого не можетъ! Почему?....

1) Да потому, что по нынѣшнимъ временамъ помогать другъ другу преступно!....

2) Виноватъ! а вы, господинъ хорошій, не изъ желтаго?....

1) Ничуть! Я изъ канцеляріи тобольскаго губернатора!....

ТРЕБУЕТСЯ опытный банкометъ въ ком. соб., можетъ притворяться глупымъ, что-бы пользоваться глупостью другихъ. Желаящій, въ случаѣ выигрыша, ничего не платить; съ выигрышнаго рубля, судя по суммѣ, отъ 10-30%. Ростъ необходимъ малый, непременно бронетъ и чистыя руки, а главное пиджаки безъ запасныхъ кармановъ.

Отъ конторы редакціи

подписка на журналъ

«ГНОМЪ»

(Редакція при Типографіи Вурмъ.)

продолжается. Подписная цѣна на годъ—5 р.; на $\frac{1}{2}$ г. 3 р. на 3 мѣс.—1 р. 75 к. и на 1 м.—65 к. съ доставкой и пересылкой. Отдѣльные номера высылаются за 5 трехъ коп. марокъ.

Розничная продажа «Гнома» производится:

Въ г. Екатеринбургѣ у разносчиковъ, въ конторѣ редакціи Покровскій пр. д. Вурмъ; въ магазинахъ Блохиной, Ананьиной и въ будкѣ, около мужской гимназій, у Семкова

въ г. Перми. Въ оптическомъ магазинѣ Вайнеръ (Сибирская д. Аксенова); въ магазинѣ Ольги Петровской (Сибирская д. Ковальскаго) и въ книжномъ складѣ Губернскаго Земства.

Въ г. Челябинскѣ у разносчика газетъ и журналовъ г. Гусева.

Въ г. Троицкѣ—у Ф. И. Загорскаго.

Въ г. Тюмени у Н. Ф. Филимонова, к-ра Бр. Колмажовыхъ.

Въ г. Ирбити. Въ книжномъ магазинѣ Каменскаго.

Въ Нижн.-Тагилѣ. Въ книжномъ магазинѣ Ахаимовой.

Въ Кушвинскомъ зав. у А. А. Хромцева и въ книжномъ магазинѣ Лебедихина и К^о.

Въ г. Камышловѣ. Въ книжномъ магазинѣ В. А. Воронковой.

Въ г. Вяткѣ. Въ к-рѣ редакціи «Вятскаго Края».

Въ Каслинскомъ зав. у Н. В. Васильева.

Въ г. Верхотурѣ. Въ лавкѣ О-ва Потребителей и въ книжномъ складѣ Уѣзнаго Земства.

Въ г. Курганѣ у В. Д. Трубина.

У всѣхъ означенныхъ лицъ и учреждений принимается и подписка на «Гномъ» по вышеобъявленнымъ цѣнамъ.

Оставшіеся въ незначительномъ количествѣ экземпляры «Гнома» за 1906 г. высылаются за 1 р. 50 к. комплектъ, состоящій изъ 19 №№ и 2-хъ приложений.

Конфискованный № 14—за 2 пяти-копѣечныя марки.

Самара. Книжн. магазины Ф. Я. Риль. Москательная ул. и Дворянская ул. Е. С. Ивановой.

— Всѣ вышедшіе №-ра Гнома, а равно и приложения къ нимъ можно получать у означенныхъ лицъ и учреждений.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1-я Книжка приложений къ «Гному» будетъ разослана годовымъ и полугодовымъ подписчикамъ при № 12.

Содержаніе: 4 письма Сенаторова и письмо Л. Н. Толстого къ Царю.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КЛЕЕНКИ, СКАТЕРТИ, ПОЛОСКИ

И
П Л Я Т О

У Б Р . А Г А Ф У Р О В Ы Х ъ .

Ежедневно по оконч. спектакля КАЧЕЛИ.
ВЕРХЪ-ИСЕТСКИЙ ТЕАТРЪ
 ДИРЕКЦІЯ А. А. ЛЕВИТСКАГО.
ПАСХАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАРЪ.

ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 23-го АПРѢЛЯ.

У Т Р О М Ъ.

Всѣ ложи—3 р., партеръ отъ 10 до 60
 к., галлерей—5 к.

Предст. буд. въ послѣдній разъ

Эросъ и Психея.

Начало въ 12^{1/2} ч. дня.

В Е Ч Е Р О М Ъ.

Екатеринбургская

ГЕТЕРА.

Комедія въ 5 д., соч. Сабурова.

ЦѢНА МѢСТАМЪ ОБЫКНОВЕННАЯ.

НАЧАЛО ВЪ 8 Ч. ВЕЧЕРА.

По окончаніи спектакля ТАНЦЫ.

В О В Т О Р Н И К Ъ, 24-го АПРѢЛЯ.

У Т Р О М Ъ.

Всѣ ложи—3 р., партеръ отъ 10 до 60
 к., галлерей—5 к.

СПЕКТАКЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ЗОЛОТУШКА.

По окончаніи

КАЧЕЛИ.

Начало въ 12^{1/2} ч. дня.

В Е Ч Е Р О М Ъ.

Въ 1-й разъ пьеса ЭМИЛЯ ЗОЛЯ.

Человѣкъ звѣрь.

Переводъ А. Чаргонина.

ЦѢНА МѢСТАМЪ ПОВЫШЕНА.

Начало въ 8 ч. вечера.

В Ъ С Р Е Д У, 25-го А П Р Ъ Л Я.

Для выхода вновь Приглашенной артистки О. Л. Лихтинской
 ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТЪ:

ТРИЛОГІЯ.

Соч. Жуковского.

ЦѢНЫ МѢСТАМЪ ОБЫКНОВЕННЫЯ.

НАЧАЛО ВЪ 8 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.

БИЛЕТЫ НА ВСѢ СПЕКТАКЛИ ПРОДАЮТСЯ.

Готовятся къ постановкѣ въ БЕНЕФИСЪ В. Н. Кривцова.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЛЬ.

Новость!! 23 и 24 апрѣля, только 2 гастролы настоящихъ Японскихъ
 красавицъ—Гейша.

25-го, 27, 28, 29-го апрѣля, по окончаніи спектаклей,

ТОЛЬКО ЧЕТЫРЕ ГАСТРОЛИ,

ИЗВѢСТНАГО ФИЗИОНОМИСТА

НАТАНА ШВАРЦА.

Вербный базаръ.

1. Мужичекъ, изготовленный на фабриктъ Сережи Шарашова; модель одобрена земскими начальниками; годенъ для Думы. 2. Гуттаперчевыя куклы-журналисты Суворинскаго издѣлія, при нажимѣ благонамѣренно пищать. 3. Погрѣбный конекъ, гарантированный правительствомъ. 4. Насосъ Министерства Финансовъ (не дѣйствуетъ). 5. Подержанный кабинетъ министровъ (дешево). 6. Ванька-встанька или гроза министровъ. 7) Аристофонъ, фабричн. марка—«Россія» (есть новыя ноты: «Гимнъ будущему графу Столынину. 8. Автоматъ подъ названіемъ «Осади назадъ». 9. Кубики для ремонта Думы. 10. Надежнѣйшая копилка (складъ у управл. ссудо-сберег. кассами). 11. Дойная корова съ фермы «Русскій Народъ». 12. Волшебный фонарь съ множествомъ картинокъ, изображающихъ злободневныя событія. 13. Черносотенцы—куклы истинно-русской работы. На время погромовъ отдаются на прокатъ. 14. Экипажъ маг. Реформатскаго. 15. Принцъ-Щелкунъ Крушеванъ де Пуришкевичъ.